

В. Н. Рудаков
ИРИ РАН, Москва, Россия. ps-rudakov@yandex.ru

ШТУРМ СТОЛИЦЫ СУЗДАЛЬСКОЙ РУСИ В 1238 г. В РУССКОМ ЛЕТОПИСАНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII – XVI в.

В работе рассматриваются этапы трансформации в русских летописях второй половины XIII – XVI в. рассказа об участии сыновей великого князя Юрия Всеволодовича в обороне Владимира от татар 1238 г. Автор приходит к выводу, что в ранних летописных памятниках князья не изображались героями сопротивления завоевателям. Утвердившаяся в историографии «героическая» трактовка поведения князей стала результатом более позднего переосмысления рассказа Лаврентьевской летописи, в которой также не шла речь об активной борьбе князей с татарами.

Ключевые слова: нашествие Батые, штурм Владимира, сыновья великого князя Юрия Всеволодовича, летописание

Самые ранние рассказы о событиях, связанных с обороной Владимира 1238 г., дошли в составе Новгородской первой старшего извода (далее – НПЛ), Ипатьевской (далее – Ипат.) и Лаврентьевской (далее – Лавр.) летописей. Только в одной из них, причем созданной не на северо-востоке, а на западе Русской земли, – в Ипат. – содержатся сведения об активном сопротивлении защитников города. Для описания борьбы владимирцев с татарами в Ипат. трижды использовалось определение «крепко»/«крепкий» в выражениях «крепко бороться» или «крепкая брань» [ПСРА, т. 2, стб. 780]. При этом ни «своя» для Суздальской земли Лавр., ни НПЛ вообще не упоминали о сопротивлении, оказанном захватчикам жителями главного города Северо-Восточной Руси [ПСРА, т. 1, стб. 461–463; т. 3, с. 75–76], если, конечно, не считать указания Лавр. о том, что «володимерци пустиша по стрѣль на татары, и татарове тако же пустиша по стрѣль на Золотая ворота» [ПСРА, т. 1, стб. 461]. Вероятнее всего, это объясняется тем, что составители рассказов НПЛ и Лавр., в отличие от Ипат., исходили из представления о нашествии как «каре Господней за грехи». С этой позиции сопротивление татарам рассматривалось ими как противодействие Божьему Промыслу [Рудаков, с. 13–24]. Согласно всем трем рассказам, оборона столицы Суздальской Руси происходила в отсутствие верховного правителя этой территории – великого князя владимирского Юрия Всеволодовича, который в это время находился на берегах реки Сити, где то ли намеревался собрать полки для отпора врагу [ПСРА, т. 1, стб. 462], то ли просто укрывался от преследования со стороны завоевателей [ПСРА, т. 3, с. 75]. При этом в городе остались сыновья и другая многочисленная родня великого князя.

С конца XVIII в. в историографии утвердилась «героическая» трактовка поведения сыновей Юрия Всеволодовича в момент осады и штурма Владимира. В. Н. Татищев писал, что «князи яко люди молодые хотели выехать за город с татары биться, но воевода Петр рассудил им, что, видя татар великое множество, не возможно нам малым числом их неколико тысяч победить... довольно нам, когда можем из-за стен обороняться, и град от нападения сохранять» [Татищев, с. 472–473]. Примерно так же трактовал поведение князей и М. М. Щербатов: «князья Всеволод и Мстислав... хотели учинить вылазку из града на татар, но вышеупомянутый воевода Петр Ослядякович стремление их храбрости удержал». Следуя этой трактовке, М. М. Щербатов основную вину возлагал на воеводу, который, по его мнению, «полагая нашествие татар казнию Божескою на Россию, коей сопротивляться не можно, не храбрость, но робость умножал» [Щербатов, с. 566].

Особняком в этом ряду стоит «История государства Российского» Н. М. Карамзина. В третьем томе историограф при помощи стилизованного под летописный текст диалога описал события так: «Пылая мужеством, Всеволод и Мстислав желали битвы. “Умрем – говорили они дружине – но умрем с честью и в поле”. Опытный воевода Петр удержал их, надеясь, что Георгий (т. е. великий князь Юрий Всеволодович. – В. Р.), собрав войско, успеет спасти отечество и столицу» [Карамзин, с. 510]. Как и его предшественники, в основной части своего труда Н. М. Карамзин использовал текст Никоновской летописи (далее – Ник.). Однако в примечаниях к «Истории» он, отмечая, что в Ник. «воевода Петр считал моголов бичем Небесным», далее исправлял информацию Ник., ссылаясь на Лавр.¹ и на не дошедшую до нас Троицкую летопись. По словам Н. М. Карамзина, согласно этим источникам, «не воевода, а кня-

¹ Н. М. Карамзин называл ее «Пушкинской» по имени владельца – А. И. Мусина-Пушкина.

зья так рассуждали: «и рекоста оба князя: «си ся наведе на ны Бог»» [Карамзин, с. 639, примеч. 363]. Тем не менее в основном тексте «Истории государства Российского» диалог князей с воеводой передавался при помощи явно искажающей чтение Лавр. цитаты из Ник. Видимо, с точки зрения Н. М. Карамзина, такое героическое прочтение более соответствовало патриотическому пафосу его произведения. Примерно так же описывал поведение князей и С. М. Соловьев: «князья Всеволод и Мстислав хотели было немедленно выехать из Золотых ворот и *биться с татарами*, но были *удержаны* воеводою Петром Ослядюковичем» [Соловьев, с. 137–138]. Впоследствии такая трактовка перекочевала в художественную литературу [Альшиц, с. 28–29; Ян, с. 307], ее разделяют и многие современные историки [Карпов, с. 66; Хрусталева, с. 111; Гальперин, с. 40–41].

На что опирается подобная трактовка и в какой мере можно ей доверять?

Ни в одной из трех ранних версий рассказов о нашествии не говорится о воинственном поведении владимирских князей. Согласно Ипат. (в ее составе дошел рассказ Галицко-Волынской летописи, созданный в промежутке со второй половины 1240-х – до второй половины 1260-х гг. [Бородихин, с. 64; Ворт, с. 254–269; Кучкин 2020, с. 6]), именно князь Всеволод Юрьевич оказался виновником поражения владимирцев: «увидѣвъ князь Всеволодъ, яко *крѣпчѣе брань* належити, *убояся*, бѣ бо и *самъ младѣ*, самъ изъ града изииде с маломъ дружины и несъ со собою дары многии, *надѣяше бо ся от него животь приятии*». Батый же «*яко свѣрхнѣи звѣрь*, не пощади *уности* его, велѣ предѣ собою зарѣзати» [ПСРА, т. 2, стб. 780]. После расправы над князем татары «градъ всь избѣе». В итоге погибли все защитники города, в том числе и епископ Митрофан, и мать князя Всеволода «с дѣтми» (судя по всему, среди них должны были быть и дети самого Всеволода).

Повествование о нашествии Батыя в составе НПЛ было создано, возможно, в 1240-е гг., но в дошедшем виде восходит к гипотетически восстанавливаемому новгородскому своду 1270-х гг. [Гиппиус, с. 8–12; Кучкин 2020, с. 7–8, 14–15]. В нем нет эпизода с выходом князя за крепостную стену, однако и в НПЛ действия Всеволода не выглядят героическими: князь – скорее пассивная фигура, чем активная. О всех ключевых событиях штурма города он узнает в тот момент, когда сделать что-либо уже нельзя, и в итоге, видя, что сопротивление бесполезно, Всеволод принимает постриг и погибает вместе с горожанами: «увидѣ князь Всеволодъ... *яко уже взятъ быти граду*, внидоша въ церковь святую Богородицу, и истригошася вси въ образъ, таже въ скиму», «и увидѣвши князь... *яко зажженъ бысть градъ, а людье уже огонь кончаваются*, а инии мечемъ, вбѣгоша въ святую Богородицу и затворишася в полатѣ» [ПСРА, т. 3, с. 75].

Такую трактовку событиям давали «чужие» по отношению к владимирской княжеской династии летописцы. Самый подробный и беллетризированный из ранних рассказов об осаде Владимира содержится в «своей» по отношению к династии владимирских князей Лавр.: ее рассказ был составлен на основе известий владимирского и ростовского происхождения, скорее всего, в промежуток времени от 1280-х гг. до начала XIV в. [Насонов, с. 193–205; Лурье 1976, с. 33, 35; Горский, с. 6]. Можно отметить, как минимум, две особенности этого повествования.

Первая состоит в том, что составитель Лавр., судя по всему, знал о бытовании разных трактовок поведения Всеволода Юрьевича: отголоски рассказов НПЛ и Ипат. нашли отражение в тексте самой Лавр. Еще М. Д. Приселков отмечал, что при составлении рассказа о нашествии, дошедшего в Ипат., «был использован какой-то северный летописный текст». По мнению исследователя, отражением этого текста стало сообщение Ипат. о том, что князь Всеволод выходил из города с дарами к Батыю. Исследователь полагал, что подобный фрагмент содержался и в «северном своде»², но в Лавр. рассказ о гибели князя, равно как и финал штурма города, оказались «потеряны». Однако в изначальном варианте рассказ об этом был, что нашло, по мнению М. Д. Приселкова, косвенное подтверждение в отрывке

² О зависимости этого отрывка от рассказа Лавр. пишет и новейший комментатор Галицко-Волынской летописи В. И. Ставиский, который полагает, что «только оттуда (т. е. из суздальской летописи. – В. Р.) можно было узнать имя епископа Митрофана, а также узнать то, что епископ с княгиней попытались спрятаться в церкви, где погибли под огнем» [Галицко-Волынский летописец, с. 299]. Впрочем, речь не идет о текстологической зависимости одного текста от другого, доказать которую тем более трудно, что текст, дошедший в Лавр., появился в результате более поздней переработки, произведенной в Суздальской земле. Однако «даже при отсутствии полного текстологического тождества» НПЛ, Лавр. и Ипат. до определенного момента «довольно сходно излагают обстоятельства пленения Батыем древнерусских княжеств. При этом устанавливается некоторый ряд соответствий между памятниками, позволяющий говорить об их родстве по линии источников, до нас не дошедших и не отразившихся в каких-либо других летописных сводах» [Бородихин, с. 36].

Лавр., в котором сообщалось, что великий князь Юрий Всеволодович, будучи на Сити, узнал о том, что «старейшая сына Всеволодь с братом *внѣ града* убита» [ПСРЛ, т. 1, стб. 464].

О близкой связи рассказов Лавр. и НПЛ свидетельствует сходство финальных сцен гибели Владимира и его жителей. Это и упоминание в обоих текстах мясопустной недели, и указание на то, что татары «отыниша» / «огородиша тыном» город, и согласие обоих рассказов по поводу имени епископа (Митрофан), времени действия («на заутрьѣ» / «по заутрени») и места гибели княжеской семьи («церковь Святой Богородицы»), и близость фразы НПЛ о том, что жители «огнемь кончаваются» с фразой Лавр. «огнемь скончашася», а также сообщения, что горожане «предавше душа своя господеви» (НПЛ), со словами из молитвы епископа о них же: «приими в миръ душа рабъ своихъ» (Лавр.). Наконец, обе версии сближает и описание самой ситуации, когда жители во главе с епископом, княгиней «съ дчерью, и с снохами» (Лавр. добавляет к этому списку «з дѣтми» и «со внучаты»), пытаются спастись в церкви, там и погибают [ПСРЛ, т. 1, стб. 462–464; т. 3, с. 75–76]. Интересно, что в этой части НПЛ и Лавр. оказываются близки и рассказу Ипат. [ПСРЛ, т. 2, стб. 779–780].

Вторая особенность связана с тем, что составитель рассказа Лавр. явно ставил перед собой задачу показать поступки представителей великокняжеской династии в более привлекательном свете, в том числе сгладив те трактовки поведения князя Всеволода, которые имели место в рассказах других летописей. Скорее всего, просто *приписать* владимирским князьям героические черты было не в его силах: в момент составления летописного рассказа память об их поведении в Суздальской земле могла быть еще свежа. Но можно было *дать более комплиментарное объяснение* их реальным действиям, что и было сделано.

Как уже отмечалось, подход составителя Лавр., как и автора рассказа НПЛ, состоял в том, что само нашествие – это «кара Господня за грехи», а татары – инструмент наказания. Коль скоро завоеватели действуют в рамках Промысла Божьего, значит, противостоять им с оружием в руках не только бессмысленно, но и греховно, и единственный путь спасения – это смирение и покаяние. Видимо, поэтому оптимальный, с точки зрения книжника, способ представить князей в более выигрышном свете состоял в том, чтобы показать их людьми, которые подобно первым русским святым – братьям Борису и Глебу – готовы были смиренно принести себя в жертву. Это объясняет и то, почему летописцу понадобилось ввести в повествование фигуру второго князя, Мстислава Юрьевича, и то, почему в уста князьям вкладывалась цитата из молитвы святого Глеба из соответствующего места Лавр. («Увы мнѣ, господи, *луче бы ми умерети с братомь, нежели жити на свѣтъь семь...*» [ПСРЛ, т. 1, стб. 136; Прохоров 1973, с. 80]). В итоге уже в самом начале осады братья, согласно Лавр., заявляли о намерении выйти на ворота и погибнуть примерно теми же словами, что и святой Глеб: «Братья, *луче ны есть умерети перед Золотыми вратами за святую Богородицу и за правовѣрную вѣру христьяньскую*» [ПСРЛ, т. 1, стб. 462]. Но, согласно Лавр., реализовать их желание помешал воевода: «*И не да воли ихъ быти Петръ Ослядюковичь*» [ПСРЛ, т. 1, стб. 461–462].

Как видим, из этого отрывка нельзя сделать вывод о том, что в Лавр. речь шла о намерении князей оказать сопротивление. Скорее наоборот: летописные Всеволод и Мстислав исходили из невозможности противостоять каре Господней в лице татар: «И рекоста оба князя: “Си вся наведе на ны Богъ грѣх ради наших, яко же пророкъ глаголет: «*Нѣсть человеку мудрости, ни е мужства, ни есть думы противу Господеви. Яко Господеви годѣ бысть, тако и бысть. Буди имя Господне благословено в вѣкы*»”» [ПСРЛ, т. 1, стб. 461–462]. В итоге гибель князей, равно как и гибель на реке Сити великого князя Юрия Всеволодовича, в Лавр. изображалась как смерть праведников, продемонстрировавших подлинное христианское смирение и покорность судьбе [Рудаков, с. 25–48], что в дальнейшем, по замыслу книжника, видимо, должно было стать (и стало в действительности) основой для их церковного прославления [Путь к граду Китежу, с. 24–35].

Следующий этап развития исторической памяти о штурме Владимира татарами связан с созданием так называемого летописного свода митрополита Фотия (1418 г. [Приселков, с. 204–210, 213–215]), легшего в основу дошедших до нас Софийской первой (далее – С1) старшего извода, Новго-

родской четвертой (далее – Н4) и Новгородской Карамзинской (далее – НК) летописей³. Имея возможность выбирать из трех ранних летописных рассказов о нашествии (НПЛ, Ипат., Лавр.), которые были у него под рукой, в повествовании об обороне Владимира составитель компилятивного текста (в полном виде он отразился в С1) отдал предпочтение рассказу Лавр. Но и тот, судя по всему, не в полной мере подходил для «правильного», с его точки зрения, изображения Всеволода и Мстислава. Анализ текста С1 показывает стремление редактора представить князей в качестве сторонников активного сопротивления завоевателям. Для этого потребовалась корректировка их диалога с воеводой Петром Ослядюковичем. В итоге у Всеволода и Мстислава появился иной мотив «умрети пред Златыми вороты за святую Богородицу и за правовѣрную вѣру»: в С1 они стремились погибнуть, «ниже⁴ вѣ воли ихъ (татар. – В. Р.) быти» [ПСРА, т. 6, вып. 1, стб. 291]. Смысл переработки состоял в том, чтобы воевода Петр отговаривал князей уже не от самопожертвования, а от акта безрассудной храбрости. И теперь ему, а не им приписывались слова, первоначально якобы произносимые братьями: «Сиа вся наведе Богъ на ны грехъ ради нашихъ...» [ПСРА, т. 6, вып. 1, стб. 291]. Тем не менее правка была сделана не очень корректно, в результате чего последующий текст превратился, по выражению А. Ю. Бородихина, в «явную бессмыслицу, несогласованность членов предложения» («воевода же Петръ Ослятинъ и ркоста оба князя: “Си вся на ны наведе Богъ грѣхъ ради нашихъ...”»⁵) [ПСРА, т. 6, вып. 1, стб. 291; Бородихин, с. 124]. Вероятно, это обстоятельство подвигло редактора Н4-НК2, не разобравшегося, что к чему, и вовсе выпустить из своего повествования данный диалог [ПСРА, т. 4, ч. 1, с. 216; т. 42, с. 113].

Последующие редакторы летописного рассказа о нашествии Батые, в отличие от составителя Н4-НК2, были не готовы так запросто избавиться от этого фрагмента и поэтому постарались придать «бессмыслице» вполне определенный смысл. Если судить, например, по чтениям С1 по списку Н. И. Царского (в последующем он лег в основу текста Воскресенской летописи [Шахматов, с. 370; Клосс 1984, с. 34–37; Кучкин 1974, с. 111–115]), в дальнейшем фраза оказалась вновь скорректирована: «и воевода же Петръ Ослатинъ, и оба князя ркоста: “Си вся на ны наведе Богъ грѣхъ ради нашихъ”» [ПСРА, т. 39, с. 77]. Характерно, что эта корректировка была произведена не в пользу возвращения к исходному варианту, читающемуся в Лавр., а при помощи стилистической доработки варианта, отразившегося в С1. Московский летописный свод конца XV в. (далее – МЛС конца XV в.), в этой части опирающийся на рассказ С1, уточнил версию своего основного источника («Всеволод и Мстислав... ркоста всеи дружинѣ и Петру воеводе: “братие, лучши ны есть умрети пред Златыми вороты за святую Богородицу и за правую вѣру, нежели воли ихъ быти”. Воевода же Петръ рече: “сия вся наведе Богъ на ны грѣхъ ради нашихъ, яко же пророкъ глаголетъ: «нѣсть чловѣку мудрости и нѣсть мужества, ни думы противу Господеви»»» [ПСРА, т. 25, с. 127]). В дальнейшем этот текст был воспроизведен в Степенной книге [Степенная книга, с. 411–412]. Но уже в Симеоновской летописи (далее – Сим.) текст вновь был скорректирован. В результате фраза, вложенная в уста братьям, приобрела еще более «героический» вид: «братья, луче есть умрети перед Златыми враты за святую Богородицу и за православную веру христианскую, нежели воли ихъ быти над нами» [ПСРА, т. 18, с. 56].

Сим. в этой части легла в основу Ник. [Клосс 1980, с. 25–29], однако указанное чтение оказалось повторено лишь в ее Толстовском VII (Голицынском) списке, представляющем собой текст Лицевого летописного свода [ПСРА, т. 10, с. 107–108]. Во всех остальных списках Ник. тема, связанная с готовностью князей героически сражаться с татарами, получила дальнейшее развитие. Согласно этой трактовке, князья не просто «взъхотѣша изыти противу имъ (татарам. – В. Р.)» за городские ворота, но и выйти «къ нимъ на бой за святыа церкви и за православную вѣру». Однако воевода Петр не давал им этого сделать, указывая на бесперспективность противостояния татарам, которые, во-первых, выступали в качестве кары Господней («се бо есть лоза Его, и се наказание Его, и кто можетъ противу Его стати»), а во-вторых, обладали явным численным превосходством («како убо можемъ изыти на нихъ,

³ Рассказ о нашествии Батые отразился в так называемой второй выборке НК. Вопрос о взаимоотношении текстов этих летописей, а также о времени и месте возникновения сводного текста является предметом научной дискуссии, см. подробнее: [Дурье 1977; Прохоров 1977; Бобров, с. 100–103, 116–137; Шибяев] и др.

⁴ То есть ‘нежели’ [Словарь, с. 367].

⁵ Такой же текст читается в Вологодско-Пермской летописи [ПСРА, т. 26, с. 72]. В летописных сводах 1497 и 1517 гг. рассказ выглядит иначе: «Юриевичи же, Всеволод и Мстислав, хотѣша выити из града противу на нихъ, но не даст им Петр воевода, глаголя: “Нѣсть мужества, и думы, и силы противу божия поупущения за наше согрѣшение”» [ПСРА, т. 28, с. 52, 210].

и стати противу толикаго множества?»). Поэтому, полагал воевода, «дутчи намъ есть во градѣ сѣдѣти и, елико возможно намъ, противу ихъ брань сотворяти» [ПСРА, т. 10, с. 107–108].

Как видим, согласно Ник., воевода в своей аргументации соединил иррациональный и рациональный доводы. Судя по всему, В. Н. Татищев большее доверие испытывал к рациональным объяснениям поступков князей, поэтому взял в свою «Историю» довод про численный перевес татар («не возможно нам малым числом их неколико тысяч победить»). М. М. Щербатова, видимо, наоборот, в большей степени устроил иррациональный подход, изложенный в Ник., согласно которому воевода якобы полагал, что «нашествие татар казнию Божескою на Россию, коей сопротивляться не можно».

В завершение можно сделать следующие выводы.

1) Героическая трактовка мотивов и поступков сыновей великого князя во время штурма татарами Владимира сформировалась в процессе позднейших интерпретаций рассказа Лавр. – одного из трех ранних повествований о нашествии Батые.

2) Созданный не ранее 1280-х гг. рассказ Лавр. сам по себе являлся попыткой переосмыслить в комплиментарном ключе действия оставшихся в городе князей, поведение которых, судя по другим ранним источникам о нашествии, свидетельствовало об отсутствии у них желания оказывать сопротивление.

3) На каждом следующем этапе переосмысления этого текста владимирским князьям приписывались все более воинственные по отношению к завоевателям намерения, а воеводе Петру Ослядюковичу – все более изощренные попытки не дать князьям выполнить намеченное. Итогом эволюции сюжета о штурме Владимира стал рассказ Ник., возникший в первой трети XVI в., который и лег в основу произведений ранней отечественной историографии.

Таким образом, героическая трактовка поведения князей, будучи результатом поздних переосмыслений событий периода нашествия Батые, отражает мнение потомков о том, как все должно было происходить «на самом деле», и не может считаться достоверным отражением существовавших в 1238 г. реалий. В действительности же, судя по всему, имела место общая растерянность князей, оставшихся во Владимире. Вряд ли источники позволяют сделать однозначные выводы о том, как именно они встретили свою смерть. Очевидно лишь, что обстоятельства гибели князей породили настолько разные трактовки, что книжникам, заинтересованным в их посмертном прославлении, некоторые из этих трактовок пришлось существенным образом подправлять.

Источники

ПСРА. М., 1997. Т. 1. 496 с.; М., 1998. Т. 2. 648 с.; М., 2000. Т. 3. 720 с.; М., 2000. Т. 4. Ч. 1. 728 с.; М., 2000. Т. 6. Вып. 1. 312 с.; М., 2000. Т. 10. 248 с.; М., 2007. Т. 18. 328 с.; М., 2004. Т. 25. 488 с.; М.; Л., 1959. Т. 26. 416 с.; М.; Л., 1963. Т. 28. 411 с.; М., 1994. Т. 39. 204 с.; СПб., 2002. Т. 42. 224 с.
Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1986. Вып. 11. 456 с.
Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам / Отв. ред. Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф. М., 2008. Т. 2. 568 с.

Литература

Альшиц Д. Нашествие Батые. М., 1939. 48 с.
Бобров А. Г. Летописный свод митрополита Фотия (Проблема реконструкции текста) // ТОДРА. СПб., 2001. Т. 52. С. 98–137.
Бородихин А. Ю. Цикл повестей о нашествии Батые в летописях и летописно-хронографических сводах XIV–XVII вв. Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1989. 221 с.
Ворт Д. Лингвистика и историография. К проблеме датировки Галицко-Волынской летописи // Очерки по русской филологии. М., 2006. С. 254–268.
Галицко-Волыньский літопис. Текстологія / За ред. О. П. Толочка. Київ, 2020. 929 с.
Гальперин Ч. Татарское иго: образ монголов в средневековой России. Воронеж, 2012. 230 с.
Гиппиус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // НИС. СПб., 1997. Вып. 6 (16). С. 3–72.
Горский А. А. Москва и Орда. М., 2000. 214 с.
Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1991. Т. 2–3. 832 с.
Карпов А. Ю. Батые. М., 2011. 345, [2] с.
Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980. 312 с.
Клосс Б. М. Список Царского Софийской I летописи и его отношение к Воскресенской летописи // Летописи и хроники, 1984 г. М., 1984. С. 25–37.
Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском. М., 1974. 291 с.
Кучкин В. А. Завоевание Руси Батыем // Российская история. 2020. № 4. С. 3–30. DOI 10.31857/S086956870010767-4
Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. 284 с.
Лурье Я. С. Еще раз о своде 1448 года и Новгородской Карамзинской летописи // ТОДРА. Л., 1977. Т. 32. С. 199–218.
Насонов А. Н. История русского летописания XI – начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969. 555 с.

- Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. 326 с.
- Прохоров Г. М. Повесть о нашествии Батые в Лаврентьевской летописи // ТОДРА. Л., 1973. Т. 28. С. 77–98.
- Прохоров Г. М. Летописные подборки рукописи ГПБ, F.IV.603 и проблема сводного общерусского летописания // ТОДРА. Л., 1977. Т. 32. С. 165–198.
- Путь к граду Китежу: Князь Георгий Владимировский в истории, житиях, легендах / Подгот. текстов и исслед. А. В. Сиренова. СПб., 2003. 227, [3] с.
- Рудаков В. Н. Ордынские нашествия в русской исторической памяти середины XIII – XVIII в. М., 2025. 304 с.
- Соловьев С. М. Сочинения. М., 1988. Кн. 2. Т. 3–4. 765 с.
- Татищев В. Н. История Российская. СПб., 1774. Кн. 3. [6], 530 с.
- Хрусталева Д. Г. Русь от нашествия до «ига». 30–40 гг. XIII в. СПб., 2008. 380, [1] с.
- Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. 372 с.
- Шибяев М. А. Новгородско-софийский свод и протоскрипторий Евфимия II // НИС. СПб., 2015. Вып. 15 (25). С. 127–134.
- Шербатов М. М. История Российская от древнейших времен. СПб., 1771. Т. 2. 575, [70] с.
- Ян В. Батый. М., 1984. 416 с.

References

- Al'shits, D. *Nashestvie Batyya*. Moscow, 1939. 48 p. (In Russ.)
- Bobrov, A. G. *Letopisnyi svod mitropolita Fotiya (Problema rekonstruktsii teksta)*. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Saint Petersburg, 2001. Vol. 52. Pp. 98–137. (In Russ.)
- Borodikhin, A. Yu. *Tsiki povestei o nashestvii Batyya v letopisyakh i letopisno-khronograficheskikh svodakh XIV–XVII vv.* Dissertation for the Degree of Candidate of Philology. Novosibirsk, 1989. 221 p. (In Russ.)
- Galits'ko-Volin'skii litopis. *Tekstologiya*. Ed. O. P. Tolochko. Kiev, 2020. 929 p. (In Ukr.)
- Gal'perin, Ch. *Tatarskoe igo: obraz mongolov v srednevekovoi Rossii*. Voronezh, 2012. 230 p. (In Russ.)
- Gippius, A. A. *K istorii slozheniya teksta Novgorodskoi pervoi letopisi*. In *Novgorodskii istoricheskii sbornik*. Saint Petersburg, 1997. Iss. 6 (16). Pp. 3–72. (In Russ.)
- Gorskii, A. A. *Moskva i Orda*. Moscow, 2000. 214 p. (In Russ.)
- Karamzin, N. M. *Istoriya gosudarstva Rossiiskogo*. Moscow, 1991. Vol. 2–3. 832 p. (In Russ.)
- Karpov, A. Yu. *Baty*. Moscow, 2011. 345, [2] p. (In Russ.)
- Khrustalev, D. G. *Rus' ot nashestviya do "iga"*. 30–40 gg. XIII v. Saint Petersburg, 2008. 380, [1] p. (In Russ.)
- Kloss, B. M. *Nikonovskii svod i russkie letopisi XVI–XVII vv.* Moscow, 1980. 312 p. (In Russ.)
- Kloss, B. M. *Spisok Tsarskogo Sofiiskoi I letopisi i ego otnoshenie k Voskresenskoi letopisi*. In *Letopisi i khroniki, 1984 g.* Moscow, 1984. Pp. 25–37. (In Russ.)
- Kuchkin, V. A. *Povesti o Mikhaile Tverskom*. Moscow, 1974. 291 p. (In Russ.)
- Kuchkin, V. A. *Zavoevanie Rusi Batyem*. In *Rossiiskaya istoriya*. 2020. No. 4. Pp. 3–30. DOI 10.31857/S086956870010767-4 (In Russ.)
- Lur'e, Ya. S. *Obshcherusskie letopisi XIV–XV vv.* Leningrad, 1976. 284 p. (In Russ.)
- Lur'e, Ya. S. *Eshche raz o svode 1448 goda i Novgorodskoi Karamzinskoi letopisi*. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Leningrad, 1977. Vol. 32. Pp. 199–218. (In Russ.)
- Nasonov, A. N. *Istoriya russkogo letopisaniya XI – nachala XVIII veka. Ocherki i issledovaniya*. Moscow, 1969. 555 p. (In Russ.)
- Priselkov, M. D. *Istoriya russkogo letopisaniya XI–XV vv.* Saint Petersburg, 1996. 326 p. (In Russ.)
- Prokhorov, G. M. *Povest' o nashestvii Batyya v Lavrent'evskoi letopisi*. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Leningrad, 1973. Vol. 28. Pp. 77–98. (In Russ.)
- Prokhorov, G. M. *Letopisnye podborki rukopisi State National Library, F.IV.603 i problema svodnogo obshcherusskogo letopisaniya*. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Leningrad, 1977. Vol. 32. Pp. 165–198. (In Russ.)
- Put' k gradu Kitezhu: *Knyaz' Georgii Vladimirovskii v istorii, zhitiyakh, legendakh*. Texts preparation and research by A. V. Sirenov. Saint Petersburg, 2003. 227, [3] p. (In Russ.)
- Rudakov, V. N. *Ordynskie nashestviya v russkoi istoricheskoi pamyati serediny XIII – XVIII v.* Moscow, 2025. 304 p. (In Russ.)
- Shakhmatov, A. A. *Obozrenie russkikh letopisnykh svodov XIV–XVI vv.* Moscow; Leningrad, 1938. 372 p. (In Russ.)
- Shcherbatov, M. M. *Istoriya Rossiiskaya ot drevneishikh vremen*. Saint Petersburg, 1771. Vol. 2. 575, [70] p. (In Russ.)
- Shibaev, M. A. *Novgorodsko-sofiiskii svod i protoskriptorii Evfimiya II*. In *Novgorodskii istoricheskii sbornik*. Saint Petersburg, 2015. Iss. 15 (25). Pp. 127–134. (In Russ.)
- Solov'ev S. M. *Sochineniya*. Moscow, 1988. Book 2. Vol. 3–4. 765 p. (In Russ.)
- Tatishchev, V. N. *Istoriya Rossiiskaya*. Saint Petersburg, 1774. Book 3. [6], 530 p. (In Russ.)
- Vort, D. *Lingvistika i istoriografiya. K probleme datirovki Galitsko-Volynskoi letopisi*. In *Ocherki po russkoi filologii*. Moscow, 2006. Pp. 254–268. (In Russ.)
- Yan, V. *Baty*. Moscow, 1984. 416 p. (In Russ.)

Vladimir N. Rudakov

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

THE ASSAULT ON THE SUZDAL RUS' CAPITAL IN 1238 IN RUSSIAN CHRONICLES OF THE SECOND HALF OF THE 13th – 16th CENTURIES

The work examines the stages of transformation in the Russian chronicles of the second half of the 13th – 16th centuries of the story about the participation of the Grand Duke Yuri Vsevolodovich's sons in the defense of Vladimir from the Tatars. The author concludes that in the early chronicle monuments, the princes were not depicted as heroes of resistance to the conquerors. The "heroic" interpretation of the behavior of the princes, which was established in historiography, was the result of a later reinterpretation of the story of the Laurentian chronicle, which also did not mention the active struggle of the princes against the Tatars.

Keywords: invasion of Batu, an assault on Vladimir, sons of the Grand Duke Yuri Vsevolodovich, chronicles

